

Юлия Шеврина

~~Взв~~

ПОПАДАНКА

НЕОБЫКНОВЕННАЯ

Юлия Шеверина

Выпаданка (не) обыкновенная

«Автор»

2026

Юлия Шеверина

Выпаданка (не) обыкновенная / Юлия Шеверина — «Автор»,
2026

Попала в новый мир — попаданка! А если я хочу из родного мира выпасть? Кто я тогда — выпаданка? Почему я хочу выпасть?#А что ещё делать юной наследнице Артефактории? С одной стороны на меня положил глаз коварный оборотень, с другой — первая любовь предлагает выйти замуж. И всё это в эпицентре преступного заговора. И накануне АФЁРЫ, крупнейшей в истории маг.мира! Интересно, кто же ее совершил? Хм..обо всем по порядку;)

© Юлия Шеверина, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Ненависть с ароматом сельдерея	5
Глава 2. Птицы одного полета	7
Глава 3. Разлука укрепляет чувства	12
Глава 4. Золотой ключик может открыть любую дверь	21
Глава 5. Деньги на деревьях не растут	27
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Юлия Шеверина

Выпаданка (не) обыкновенная

Глава 1. Ненависть с ароматом сельдерея

Отвечаю на твой вопрос: да, Эрмин может пойти с тобой. Я надеюсь, что встречу тебя не одна.

<i>С любовью, любящая мать Франческа Бизо</i>

Кстати, ты начала пользоваться притиранием из проскрипа и сельдерея?

Дорогая, морщины сами себя не изведут, ты почти совершеннолетняя!

Пора следить за собой, а то уже к шестидесяти превратишься в фунт изюму.

Я молчу о том, как будешь выглядеть на своем столетнем дне рождения!

<i>Из письма мамышки Бизо</i>

Не знаю, что я ненавижу больше, — лицемерие или сельдерей. В данный момент больше сельдерей, которым пропахла вся карета.

Эрмин спала, потешно вытянувшись на бархатной подушке напротив. Какая же она забавная! Жаль, что так и не сменила шубку на зимнюю. Хотя может оно и к лучшему. Думаю, белый горностаи, спящий мягким пузиком вверх и шевелящий коротенькими лапками во сне, надолго выведет меня из строя. Буду тискать до умопомрачения!

А мне сейчас, как никогда, нужна свежая холодная голова и ясность мыслей. До Лоусона ещё пара часов, у меня есть немного времени.

Я еще раз прокрутила в памяти письмо матери. Как она и просила, я сожгла его сразу, как только удостоверилась — каждое слово, каждая строчка крепко держатся в памяти. Но лишний раз проверить, не забыла ли я чего-то важного, стоило.

С тех пор, как пропал отец, а меня сослали в загородное имение к бабушке, я виделась с ней нечасто.

Она не давала мне забыть о родительнице — раз в неделю писала. Неизменно приезжала раз в год — на мой день рождения.

Десять лет — десять дней рождения. Одиннадцатый, через полгода, возможно мы тоже встретим вместе.

Карету тряхнуло, Эрмин приоткрыла правый глаз, но увидела, что ничего страшного не произошло, и благополучно продолжила умильно спать.

— Спи, крошка, мы еще едем, — успокоила я самое близкое мне существо. Случись с ней что и я останусь совсем, совсем одна.

Уезжая, я сердечно попрощалась с любимой бабушкой. Быть может, мы с ней больше не увидимся, хоть она и думает, что успеет к моему совершеннолетию подготовить какой-то особенный сюрприз. Дорогая, это я приготовлю всем сюрприз. Надеюсь, он не сильно тебя огорчит...

Бабушка воспитывала меня с десяти лет и я всю дорогу мучилась, что не могу рассказать ей о истинной цели своего визита в Лоусон.

Джиневра Бизо... Мое имя означает «белая волшебница», однако в отдаленном имении я не получила должного магического образования. Максимум, что я сейчас могу — заряжать

несложные артефакты и воздействовать на них чистыми потоками силы. Да и этому я научилась ещё когда отец был рядом.

Мой отец — знаменитый Леонгард Бизо. Несмотря на большую занятость, всегда находил время показать маленькой крохе забавные «игрушки» в своей лаборатории и не стеснялся рассказывать, над какими изобретениями он работает. Как бы мне хотелось, чтобы он был рядом!

Я вздохнула. В жестком корсете это оказалось проблематично. Бабушка настояла, чтобы в город я прибыла в «пристойном леди наряде». И душегубочный корсет был этого наряда ключевым элементом. В отличие от перчаток, снять его без помощи горничной не представлялось возможным, потому что я терпела.

Эрмин, привыкшая залезать в просторное платье или рубашку, в которых я имела обыкновение рисовать или читать, забившись куда-нибудь под крышу, также была недовольна корсетом.

Хорошо еще, что бабушкина портниха учла мои пожелания и вшила во все платья глубокие кармашки для моей любимой горностаечки. Смогу брать ее с собой. Раньше я часто носила Эрмин в обычной холщовой сумке, но в столичном городе леди с сумкой — немыслимо! Вот я и решила прятать малышку в кармашках, затерянных среди пышных юбок.

О чем это я рассказывала? Ах да...

Отец пропал внезапно. Потом, когда я подросла, мама говорила, что мистер Тайгер, его партнер, рвал и метал в день исчезновения Лео Бизо.

А после стал ласковым и добрым. Приносил мне игрушки и сладости, часто приходил в наш дом. Но мама почему-то не поддавалась на его очарование. Мистер Тайгер старался, как мог, целый месяц, но без результата. И сорвался.

Он не верил, что мама не знает, где отец.

«Представляешь, бегал бешено по кабинету и кричал «Он сбежал и ты мне расскажешь, куда, тупая ты кукла!» — рассказывала она позднее.

Тогда он в первый раз ее жестоко избил. И не только. Я видела, как мама украдкой выходит из собственной гостиной, придерживая на груди домашнее платье, разорванное по швам. Медленно, придерживаясь за стену, она неслышно прокралась в ванную и долго, очень долго оттуда не выходила.

Тайгер — оборотень, и ему все в итоге сошло с рук. Даже штраф не заплатил. Штраф в таких случаях выплачивается семье потерпевшей. Но!

Семья отвернулась от мамы с папой еще до моего рождения! Еще бы, женился на дальней родственнице из семьи Козо. Не спросив разрешения у родителей, не представив обществу!

Когда бабушка приехала и забрала меня, я впервые видела, как мама плачет. Позже, много позже я узнала, что от счастья. Тогда она поняла, что я буду жить подальше от того ужаса. Она поняла, что спасла меня. А сама осталась. Ведь мистер Тайгер отпустил меня, но не её.

— Ты остаешься, Эстер. — Мистер Джереми вышел тогда на порог нашего дома, будто это уже был его дом. — До совершеннолетия девчонка мне ни к чему.

Огромный широкоплечий, когда-то он казался мне прекрасным и таким своим. С исчезновением отца я его возненавидела — так быстро он изменился, стал жестким, грубым и равнодушным.

Он назвал маму Эстер. Впрочем, все зовут мою маму Эстер, даже я. Но только мы с папой знали, что ее настоящее имя — Франческа.

И она вовсе не моя мать.

Глава 2. Птицы одного полета

Birds of a feather (англ.) Птицы одного полета

В нашем мире все пользуются летунами. Это несложные механизмы, созданные с помощью магии. Используются для переноса посланий по воздуху: писем, записок, каких-то легких посылок.

Однажды, когда я была совсем маленькой, я спросила, почему мама никогда не отправляет папе ответ с летуном.

Мы сидели в саду, прямо на траве.

Мама разрешала: «Пока никто не видит, можно». И мы с радостным смехом бегали по зеленой лужайке со скоростью, совсем не подходящей двум леди.

— Ева, — только мама звала меня Евой, хотя никто и слыхом не слыхал о таком имени. Впрочем, она — мать, как хочет, так и зовет свою единственную дочь. — Дорогая, ты уже взрослая и я вижу, умеешь хранить тайны.

Мама шкодливо подмигнула мне и на ее лице расцвела хитрая улыбка. Какая же она красивая, когда улыбается!

Да, я уже хранила одну тайну. Тайну моей любимой Эрмин, маленькой ласковой горностаечки. Она была рядом, сколько себя помню. И, когда в четыре года родители впервые собирали меня на большой прием у соседей, я с удивлением узнала, что Эрмин мы с собой взять не можем. И вообще, никто, кроме домашних не должен о ней знать. Почему?

«Вырастешь — узнаешь» — мягко сказал отец. Я начала было скандалить. Где это видано — никогда мне ничего не запрещали — и вот начали. Беспредел да и только!

Тогда моя любимая мамочка объяснила, что на приеме будут оборотни. А Эрмин — не просто горностаей. Она — необычный зверь. Разумный. Если оборотни увидят Эрмин, то отберут ее. И мы с ней никогда не увидимся. Совсем-совсем никогда.

Последней каплей стало то, что сама Эрмин, снующая вокруг, вдруг замерла, посмотрела на меня внимательно и кивнула. Я бросилась к ней, чтобы вытереть выступившую на гладкой шоколадной мордочке слезинку.

«Эрмин, я никому тебя не отдам! Честно-честно! Никто не узнает твою тайну!» — пообещала я ей, и свое обещание, кстати, выполняю до сих пор.

Жаль, что до конца я так и не узнала ее тайну. Но ведь иногда не нужно знать абсолютно всё о родном существе, которое ты любишь?

В тот день, под шелест деревьев и пение птиц в нашем саду я узнала вторую тайну нашей семьи.

— Никому-никому не говори, обещаешь?

— Обещаю, что никому не скажу, даже Николая!

— Даже Николая, — мама рассмеялась, — Я уверена, что ты сохранишь тайну, моя малышка.

Николя Гаро был моим единственным, наверное, другом. Они жили в большом доме с красивыми каменными львами вниз по улице. Иногда мамуля отпускала меня поиграть с ним и парой его кузенов.

— Ты, наверное, замечала, что настоящие леди почти никогда не изучают магию? Если нет, то обрати внимание. Максимум, что могут магини без образования — слепить кривенького летуна, но некоторым даже это недоступно.

Признаться честно, ни тогда, ни сейчас в моей голове не укладывалось, почему женщины, которым доступны все блага нашего мира, обладающие семейным даром и склонностью к магии, не учатся им управлять. Это же сколько всего интересного можно сделать!

— Мамуль, им кто-то запрещает? Да? — пришла мне тогда в голову страшная догадка.

— Ну что ты, не стоит во всем теперь видеть заговор! — мама весело рассмеялась. — Они не учатся магии, потому что могут себе позволить.

Я решительно не понимала.

— Дорогая, их отцы и мужья хорошо зарабатывают, содержат их и ни в чем не отказывают. Зачем им десятки лет напрягать мозги для управления собственной магией, проводить дни и ночи в медитациях и упражнениях, когда можно покупать готовые артефакты и таскаться по балам и приемам?

— Какими глупостями они занимаются. — разочарованно протянула я тогда. — Я надеюсь, мне не придется таскаться по балам?

— Кто знает, кто знает...

Она сорвала колосок, каким-то чудом скрывшийся от нашего дотошного садовника, подравнивающего и так идеально ровный ершик зелени перед домом чуть ли не маникюрными ножничками, лишь бы придать ему безупречный вид.

Его стараниями нашу лужайку можно было размещать на обложках буклетов с рекламой «Самых лучших в Лоусоне семян газонной травы», которые ловкие мальчишки иногда засовывали под очищающие усики папиного мобиля.

— То есть ты не стала учиться магии, да, мамочка? — если честно, я слабо представляла ее, порхающей по балам и приемам, даже тогда, в детстве, когда о этих самых балах и приемах знала из обрывков разговоров взрослых.

— Я очень хотела бы учиться магии, малышка. — она грустно вздохнула. — Но там, откуда я родом, не учат магии, потому что ее там попросту нет и не было.

Я, конечно, знала, что мамочка приехала из далекой Визии, но неужели там нет магии? Верилось с трудом. Она посмотрела в мои широко раскрытые глаза и я увидела, что на ее лице нет ни единого намека на улыбку. Мамочка была абсолютно серьезна.

— Потому я не могу создать летуна, Ева. Я вообще ничего не могу. Потому мы так мало общаемся с другими семьями. Изредка я могу появляться в гостях, но я не могу ни с кем сблизиться, иначе кто-то заметит, что во мне совершенно нет магии, ни капельки.

— Но как это возможно, ведь ты из семьи Козо?

— Нет, милая, из семьи Козо была твоя мать. По крайней мере она так утверждала.

В свои восемь с половиной лет, одетая в пышное «взрослое» платье я считала себя умудренной годами леди. Но к такому оказалась не готова, подскочила и села, нервно теребя край кружевной юбочки.

— Мамочка, то есть ты не моя мама! — очень хотелось, чтобы сейчас она прозвенела колокольчиком, смеясь над моей доверчивостью, но мамочка все еще была серьезна.

— Тише, малыш! Конечно же я твоя мама, ведь я воспитала тебя и я тебя ужасно люблю!

Мамуля осталась лежать на траве. В ее зеленых глазах отражались мясистые листья дутового дерева, в тени которого мы прятались от солнца.

В тот день мамочка рассказала мне, как мой отец, тогда еще дружный со своей семьей, начал в семейной лаборатории Бизо разработку теории межмировых пространственных перемещений. И в момент, когда он приступил к практике и первым испытаниям, внезапно появилась Эстер Козо, дальняя родственница, очаровавшая Леонгарда.

Он будто сошел с ума по ней. Пропадал в ее обществе неделями, забросив работу. Отец был крайне им недоволен. Но когда Лео, стоящий на пороге величайшего открытия, заявил, что его обожаемая Эстер ждет от него ребенка и он срочно женится на любимой, разразился ужасный скандал.

Оба родителя Леонгарда Бизо, мои бабушка и дедушка, были яростно против этого брака, называя возлюбленную «мерзкой вертихвосткой» и другими нехорошими словами.

С дичайшим скандалом Леонгард покинул семью, порвал с ними все отношения и решил жить с молодой беременной пассией независимо от многочисленного и, надо отметить, обеспеченного семейства Бизо.

Рассерженный отец не дал ни монетки непокорному сыну. Но быстро нашелся знакомый Эстер, который с радостью одолжил Леонгарду денег и на жизнь, и на оборудование собственной лаборатории. Они основали торгово-исследовательский дом-артефакторию «Бизо и Тайгер».

Удивительный союз — маг-артефактор и оборотень из семьи тигров. Абсолютно неспособный к магии и артефакторике, Джерими Тайгер нуждался в моем отце. А отец, лишенный средств, страстно увлеченный наукой и своей молодой беременной женой, нуждался в Джерими — его деловой хватке, связях и деньгах.

Отец, имеющий уже десятки патентов более простых и практически применимых изобретений, быстро довёл их до ума и в новеньких, открытых с помощью мистера Тайгера фирменных магазинчиках полки заполнились полезными вещами с артефактной начинкой.

Дела быстро пошли в гору и своего первенца — девочку, то есть меня, Эстер Бизо родила уже в богато обставленном доме в уважаемом районе Лоусона.

Папа хотел помириться со своей семьей. Но старшие Бизо отказывались от такой перспективы категорически, заявляя, что Эстер — мерзкая самозванка, никогда не проживавшая в Визии и взявшаяся неизвестно откуда. Самозванка, тянущая из Лео деньги самым наглým образом.

— На самом деле дело действительно было в деньгах, но не в тех, что твой папа заработал. — Мамуля перевернулась на живот, ничуть не беспокоясь о безжалостно смятом ажурном воротничке. — Она хотела от него исследований по межмировым порталам. И знаешь, у нее почти получилось их добыть!

Портал между мирами, магический портал, — важное изобретение. Еще на этапе разработки им заинтересовались как маги, так и представители вампиров и оборотней. Путешествия между мирами, попади они не в те руки, могут принести много опасностей как нашему миру, так и другим мирам.

— Каких еще опасностей? — в моем представлении в других мирах мы встретили бы нежных эльфов или прекрасных драконов, единорогов с большими умными глазами и других волшебных существ.

— Оружие, моя милая. Оружие других миров, более сильных. Или же, если открытый мир окажется более отсталым чем наш, то его полное порабощение.

Да, за развитием новой технологии, чуть ли не с первых дней следили все имеющиеся в нашем регионе тайные службы. Но только одна из них зашла настолько далеко, чтобы подослать к молодому перспективному изобретателю самку-оборотня.

— Мамочка, то есть я — наполовину оборотень? — я была в ужасе. Я что, одна из двуликих?

— Ева, успокойся. В смешанных семьях даже если оборотень — отец, и то бывают случаи, когда их кровь не проявляется. Правда, редко...

А я была полукровкой в паре, где оборотнем была мать. Сейчас я уже понимаю, что это был редкий, воистину уникальный случай: женщины-оборотни никогда не выбирают в пару человека.

Они просто не чувствуют к ним влечения... и уж естественно, они не выходят замуж и не рожают маленьких девочек. Но чего не сделаешь ради работы, да, Эстер?

В решающий момент, когда отец уже подготовил первый портал к запуску, оборотница Эстер, у которой был допуск в лабораторию, прокралась туда за чертежами.

Никто не знает, что тогда случилось. Но она зачем-то запустила портал. Может хотела проверить, работает ли?

Портал работал! Более того, сработала автоматическая настройка на сходный с нами мир. В рамке портала Эстер увидела просторный дом и молодую девушку, очень похожую на оборотницу внешне.

Проверив и ПОВЕРИВ, что все идет как надо и ее миссия почти выполнена, Эстер схватила с рабочего стола каменное пресс-папье и разбила активационный кристалл.

Разрушаясь, портал — детище моего отца, артефакт тонкой и бережной настройки, искажил пространство.

И оглушительно взорвался, уничтожив все содержимое лаборатории! К счастью, она была экранирована, поэтому мощнейший взрыв испепелил все, что было внутри, но не нанес вреда дому, в подвале которого он находился.

Усиленные защитой двери долго не открывались, как ни старался мой отец, обезумевший от горя. Когда же он смог их разблокировать, единственным человеком в пустой лаборатории, лишенной мебели, рабочих артефактов и всех отчетов об исследованиях, оказалась девушка в странной одежде: яркой блузе с коротким рукавом и неприлично короткой юбке, много выше колен.

Такие короткие не носят даже самые отпетые студентки последних курсов в Лоусоне, из последних сил старающиеся привлечь внимание оставшихся свободных женихов.

Но в родном мире той девушки, похожей на Эстер, такой костюм считался совершенно обыденным.

— Мамочка, а каким цветом горит рамка межмирового портала?

— Зеленым, ярко-зеленым, может быть увидишь еще однажды.

— Как твои глаза? Я вижу, твои глаза горят зеленым, когда ты смотришь на солнце! Мамуля, у тебя глаза цвета портала, ты знала об этом? — мама только весело рассмеялась.

Когда отец ворвался в лабораторию, она лежала без сознания прямо на полу, перед оплавленной рамкой портала. С потолка отрывались и медленно скользили хлопья сажи. Леонгард поднял ее на руки и не раздумывая понес наверх, в спальню, где плакала в кроватке его маленькая дочка.

— Имя, данное мне при рождении в моем родном мире, — Франческа. — сказала мама. — Запомни его, милая, и никому не рассказывай. Его знают только я, Лео и теперь — ты.

Настоящая Эстер исчезла.

Папа, воспользовавшись тем, что «старая» Эстер не особо примелькалась в обществе, чуть подправил внешность Франчески с помощью артефактов. Учитывая изначальное сходство, Франческа стала копией девушки, сгоревшей в лаборатории.

— И я осталась жить здесь, с вами.

Франческа, втянутая в портал, говорила и даже думала на нашем языке, довольно быстро разобралась в особенностях нашего мира, начала вести домашние дела и ухаживать за маленькой Джиневрой, заменив мне мать.

Первый год отец присматривался к ней, пока не понял, что влюблен. С тех пор мы жили счастливой семьей, пусть и не особо выбираясь в свет, чтобы кто-нибудь ненароком не заметил странных особенностей девушки, лишенной магии. Да и характерами они с настоящей Эстер здорово отличались. Эстэр — дерзкая и вспыльчивая. А моя мамочка — спокойная, внимательная, всегда такая взвешенная и рассудительная.

— Есть кое-то, кто знает о том, что я из другого мира. Оборотни, которые отправили Эстер на задание, быстро меня раскусили.

Оборотни и мистер Тайгер любезно согласились оставить маму в покое, если отец передаст им свои разработки. Увы! Все чертежи сгорели в лаборатории. Не спас их ни последней модели несгораемый капсульт для бумаг, ни отдельно ставленная защита сильнейшим магом из Ера — сильнейшего магического клана на континенте.

Отец нашел тогда, чем откупиться. Он как раз разработал эльпорты. Ящик на тысячу двести эльпортов — такую цену заплатил Леонгард Бизо за жизнь девушки из другого мира.

— Целый ящик! — даже в юном возрасте я знала, что маленькие деревянные пластинки эльпортов, используемых для телепортации на небольшие расстояния, — редкое и дорогое удовольствие. А тут — тысяча двести!

— Папа очень любит тебя, да? Знаешь, я тоже тебя очень люблю, и можешь что хочешь рассказывать, но ты — моя мама!

Мама весело сощурилась на солнце.

— Когда я вырасту, я научусь делать летунов и буду отправлять их за тебя! — пообещала я ей тогда, а она только улыбнулась мне в ответ. — Мамочка, а я могу иногда звать тебя твоим настоящим именем?

— Нет, дорогая. Это имя осталось в другом мире, здесь я — Эстер Бизо.

Каждый раз очень радуюсь, когда кто-то ставит звездочку и добавляет в библиотеку! Очень мотивирует писать больше, лучше и в целом — писать! Так что отдельное спасибо всем, кто оценивает мой труд!

Ставьте лайки (звездочки), добавляйте книгу в библиотеку, если понравилась история и планируете узнать, что же там дальше.

Подписывайтесь на мою страницу, чтобы не пропустить выход новой книги!

Юлия Шеверина

Глава 3. Разлука укрепляет чувства

Absence makes the heart grow fonder (английская поговорка).

Тебе понадобится одно бальное платье, один мужской костюм, удобный для верховой езды и быстрого бега, шуба и меховая шапка, остальное — на твое усмотрение. Возьми мои подарки! Поезжай в город к Зимнему Солнцестоянию, у Тайгера будет большой прием, это твой шанс.

Из письма матушки Бизо

Однажды, когда мы еще жили в Лоусоне всей семьей, я пришла в гости к Николаю вместе с мамой. Пока родители пили чай, мы играли под ветками празднично украшенных деревьев. На Солнцестояние их расставляют прямо в доме, украшают большими шарами и золотистыми дисками с изогнутыми волной лучами. Мама рассказывала, что диски с лучиками обозначают солнышко, а шары — луну. Вешая их на одну ветку, мы отдаем дань природе и вечной связи дневного и ночного светил. Одновременно таких далеких и неотделимых друг от друга.

Мы тогда расшалились. Залезли на одну особо крупную ветку, зацепленную за массивный шкаф. На ней, слишком высоко, чтобы мы могли достать, висел красивый резной диск-шестеренка.

Полезли вдвоем, соревнуясь, кто же достанет её быстрее: Николай или я. Хотя он был в штанишках, а я в по-праздничному пышном платье... Я оказалась ловчее и проскользнула вперед! Он схватил меня за ноги, но остался с туфельками в руках. Я победоносно вздернула носик, держа ритуальное украшение в руке, но тут ветка не выдержала наших шальных игр и... обломилась! Там нас и нашли: меня в порванном платье с диском, Николай с моими башмачками в руках. Посреди разгромленного парадного холла семьи Гаро.

В тот день нестрогие в общем-то родители Николая были явно расстроены. Может, играй он один, ему бы и сошло с рук, но при соседях!

Родителям Ники пришлось наказать его. С ужасом я узнала, что в этом году он лишился всех подарков. Что может быть ужаснее — остаться без подарков на Зимнее? Когда само Солнышко и его лучи приносят тебе коробочки со сладостями и желанные игрушки?

Когда мама рассказала мне об этом, я не смогла сдержать слёз! Убежала в сад и прорыдала там весь вечер. Ведь его наказали из-за **моей** шалости! Ники даже не скривился, ни словом не упомянул, кто первым полез на установленные в холле ветки. Всю вину взял на себя...

На следующий день я тщательно выбрала самую пышную юбочку в моем уже немало гардеробе. Спрятала под слоями ткани те из подарков, которые могли бы понравиться Ники: сладости, кулек с орехами и набор юного артефактора. Чтобы они не выпали, я привязала их лентами и пошла в гости.

Хорошо, что никого не было дома — Ники с родителями были с визитом в гостях!

Меня впустила горничная. Удивилась, конечно, что маленькая мисс пришла без родителей. Мне повезло — она куда-то спешила по делам и не задала мне вопросов. Пришла соседская девочка — что в том такого?

Меня встретила предпраздничная суета.

Бешено носились слуги, наводя лоск в доме, готовом принять к вечеру родственников, коллег мистера Гаро и друзей семьи.

Никто и не подумал меня остановить, когда я мышкой шмыгнула вверх по лестнице.

Я знала, где комната Николая. Быстро управилась — положила подарки ему под подушку. Сверху оставила собственноручно составленное послание — у меня с детства округлый аккуратный почерк, за который хвалили учителя. Так что я гордо вывела традиционное праздничное пожелание «В подарок от Солнца» на нежном листочке бумаги, который обыкновенно вкладывают в фантики моих любимых конфет. Также незаметно вышла из дома и, довольная, побежала к себе.

Через неделю пропал отец, меня отправили в имение бабушки... и больше я не видела Николая. Но каждый год неизменно отправляла ему подарки. Также — без подписи, анонимно. С неизменной ритуальной фразой «В подарок от Солнца».

Я выглянула в окно, вдали темнела полоска города. Мы подъезжаем к Лоусону. А значит в этом году, если Николай в городе... В этом году я смогу подарить ему подарок лично.

Оборотни ни Зимнее, ни Летнее Солнцестояние не празднуют. Это исключительно людская традиция.

Для кого-то традиции — возможность сплотить семью, для кого-то — дань истории, но мистер Тайгер — делец, хватке которого позавидует глава семьи лис-оборотней.

Мистер Тайгер, даже будучи оборотнем, с удовольствием использовал человеческие праздники как стоящий повод... как возможностью собрать весь цвет Лоусона у себя дважды в год, посмотреть на свеженьких девиц, буде таковые появятся. Но главное — обсудить на месте и сразу со всеми нужными ему людьми, магами и оборотнями дела бизнеса.

Почему на Зимнее или Летнее? Большинство торговцев артефактами, исследователей и магов, а также просто деловых людей в течение года путешествовали или инспектировали отдаленные филиалы. И только к семейным праздникам дважды в год все возвращались домой, в Лоусон: обнять жен, подарить детям подарки, и, конечно же, сходить на Ежегодный Бал Мистера Тайгера.

Обсудить новости, заключить сделки, перемыть кости конкурентам, а уже за сигарой получасом позднее — ударить с этими самыми конкурентами по рукам.

Бал у Тайгера интересовал не только людей, радующихся уважению, оказываемому оборотнем человеческим традициям, но и других оборотней и даже вампиров. Они быстро смекнули, что к чему и если первые годы на балы у Тайгера приезжали в основном люди, то последние годы под его крышей собирается все больше оборотней и вампиров.

Правящий совет только радовался этой инициативе Тайгера. Его даже ставили в пример другим оборотням как «вкладывающего неопределимый вклад в развитие мирных торговых межрасовых отношений». Неизвестно, какую пользу от этих балов получает, собственно, совет, но с десятков лет назад Тайгер получил от них именную медаль и орден именно с такой пафосной формулировкой.

Я вспомнила, с каким возмущением об этом писала мама и фыркнула. Тоже мне, вклад... Соберутся толпой расфуфыренные богачи, сплетничают и пляшут до утра. Какие тут межрасовые отношения? Впрочем, понятно какие. Рядом с бальной залой, говорила мама, всегда были комнаты для уединения. Не иначе как для развития этих самых отношений.

И вот на этот праздничный бал мне нужно будет попасть. Не то, чтобы будет сложно... Ведь я — дочь Леонгарда, его партнера. И в глазах всего общества с минуты на минуту вступлю в права наследования, а значит, получу свою долю в предприятии «Бизо и Тайгер», стану равноправным партнером... оборотня... Потому могу приходить куда хочу. Тем более, в этом году он проводит бал в доме моего отца, моем доме, который он нагло занял и жил там последние годы, как полноправный хозяин.

— Нечего и думать ехать в ваш старый дом! — воскликнула бабушка, когда узнала, что я собираюсь отправиться в город и принять наследство отца.

И я с ней была полностью согласна. Рассказала, что остановлюсь в гостинице. Да, в самой лучшей гостинице Лоусона. В конце концов, я, как наследница отца, ежемесячно получала

небольшое содержание «на мелкие расходы». У бабушки, в отдаленном поместье, мне особо тратиться было негде и не на что. Так что мои «мелкие расходы» по факту были значительно меньше суммы, на них выделяемой. Я вполне могла позволить себе и новое платье, и проживание в любой, даже самой фешенебельной, гостинице Лоусона с номерами по две сотни золотых за ночь.

Бабушка от моих рассуждений пришла в легкий шок и ступор. Пораженная моей подготовленностью, даже не предложила жить у моих теток Бизо, имевших дом на соседней улице.

Только бормотала что-то про «дерзкую молодежь, спасу нет».

Впрочем, до отъезда оставалось совсем немного. Боюсь, она просто не успела прийти в себя. Заведи я этот разговор накануне, все могло бы кончиться иначе. За ночь бабулечка оклемалась и задала бы мне жару!

Уверена, упаковала бы меня к какой-нибудь своей кухне под крыло, из-под которого и шагу не ступить без отправки летуна к бабуле за советом «разрешает ли она своим монаршим разрешением неразумному дитяти покинуть помещение с целью посещения... » да хоть на встречу чтецов общественной библиотеки Лоусона!

Уверена, даже на такое невинное мероприятие стало бы проблематично выбраться...

Но «дерзкая молодежь» все продумала, все учла и теперь в гордом одиночестве покачивается на каретной подушке, размышляя, чем же таким дерзким заняться пару дней до бала. А планы у меня ого-го и эге-гей!

— Эге-гей! — вторя моим мыслям донеслось снаружи.

Я и сама не заметила, как навстречу по дороге к нам приблизился новенький мобиль, блестящий лакированной отделкой.

Водитель лихо выкрутил руль, не доезжая до кареты какую-то полсотню метров. Перегородил дорогу пыхтящим механизмом.

О, у нас в деревне мобили были редкостью. Сложные машины с мудреным двигателем, работающие на магических кристаллах... Не очень в них разбираюсь... Но этот, похоже, совершенно новенький и очень современный! О, какие красивые черные бока, какие изящные спицы колёс!

Нанятой кучер неизящно выругался и тормозил лошадей. Впрочем, смышленные лошадки уже и сами смекнули, что ни быстро, ни медленно, двигаться на этот механизм с артефактным нутром, отдающий на всю округу магией и технологиями, не стоит.

Сворачивать было некуда. Местная дорога — гордость округа Лоусона. Потому ее обочина украшена аккуратным заборчиком, переходящим в ровные мостики, перекинутые через овраги и речушки. Если лошадки через оградки перепрыгнуть могли, то карета за их спицами — нет. Долгие годы в упряжке дали о себе знать — лошадки остановились у самого носа мобиля еще до того, как кучер подобрал сползшие до самой земли поводья.

Колеса кареты делали последний оборот, когда пассажир на переднем сиденье коротко пожал руку водителю, решительно открыл дверь и направился в нашу сторону.

«Не Тайгер» — облегченно подумала я.

Молодой мужчина с открытым и таким знакомым лицом, никак не может быть массивным тигром-оборотнем.

Хотя плечи стремительно приближающегося юноши и были чуть шире, чем обычно бывают у человеческих мужчин, уж кем, а оборотнем он не был.

Оборотни не носят изумрудно-зеленые, расшитые золотом, сюртуки. Предпочитают иной крой... Они не жалуют мобили, и уж тем более не носят очки-гоглы, как и любые другие артефакты. А этот, помимо прочего, надел на лицо небольшой шиток-полумаску явно артефактного происхождения.

Как, например, и этот крупный медальон с пятью переплетенными шестеренками. Это тоже артефакт.

Незнакомец подошел так близко, что я смогла рассмотреть его во всей красе.

Постоял мгновение перед дверцей кареты, позволяя мне любоваться лучами солнца, игравшими в его каштановых волосах. Поправил медальон с ужасно знакомыми мне шестеренками.

Я улыбнулась, понимая, что единственный человек в Лоусоне мог вот так сорваться, бросив все, чтобы меня встретить... Единственный человек, подходящий по возрасту этому юноше. Единственный наследник семьи Гаро, который мог бы носить фамильный медальон... рывком открыл дверь кареты, встал одной ногой на ступеньку, будто это его действие могло остановить её движение, если кучер вздумает вдруг ехать дальше.

Он тепло улыбнулся и глядя мне в глаза сказал:

— Я скучал, Джин.

Если мамочка звала меня Евой, то Никола Гаро с первых дней звал меня не иначе, как «Джин».

И я не выдержала! Слезы предательски выступили в уголках глаз. Пока он не заметил, я бросилась ему на грудь, шепча:

— Никола, я тоже скучала.

Он как-то вздрогнул, замер, напрягся всем телом, но через мгновение каменные мышцы его плеч расслабились под моими руками. Я почувствовала, как он изменился в моих объятьях, стал своим, родным, признал.

Не выпуская дверцу кареты, Никола обнял меня второй рукой, сминая тщательно уложенные волосы. Все вдруг стало неважно. Тем более какая-то прическа!

— Джин, подожди немного.

Я вдруг подумала, что он, возможно, проездом и увидел карету и меня в ней случайно. И вот сейчас уедет и я снова его не увижу. Может быть уже никогда! Стало горько и обидно. Горячие слезы потекли из глаз, и я уже не могла бы их скрыть при всем желании.

— Не уходи. — прошептала я ему, отчаянно надеясь, что сейчас он останется.

Никола отстранился, осмотрел меня и с сожалением оглянулся на водителя в мобиле.

— Джин, я не уйду. — твердо сказал он и в какие-то мгновения успел пробежаться до мобиля, показать что-то моему кучеру, после чего, уже стоя на ступеньке кареты, махнул своему знакомцу за рулем.

Запрыгнул внутрь и захлопнул дверь. Послышался шум взревевшего мотора — мобиль, поднимая клубы дорожной пыли и нещадно дымя, пронесся мимо, по направлению из города.

Кучер прикрикнул на лошадок и мы неспешно тронулись вперед, в Лоусон.

Никола откинулся на противоположное сиденье, всю дорогу служившее шикарнейшей лежанкой Эрмин, чей черный кончик хвостика промелькнул где-то под моей юбкой.

Еще в начале происшествия на дороге малышка проснулась и на всякий случай забилась подальше в уголок, изредка стреляя из своего укрытия бусинками глазок.

Мой друг детства, (теперь уже точно не было сомнения, что это он!) стянул с лица полумаску артефакта, гоглы и отложил в сторону. От долгого лежания под креплениями артефактов его густые волнистые волосы цвета сладкого молочного шоколада слежались и теперь, взъерошенные, торчали в разные стороны.

Совсем как в детстве. Влага предательски собралась в уголке правого глаза и, будто задумавшись на секунду, медленно потекла по щеке.

— Джин, что случилось? — улыбку Ники смыло с лица в мгновение, будто ее и не было.

Он обеспокоено смотрел на меня, не понимая, что же происходит.

Я быстро вытерла непослушную капельку и постаралась улыбнуться как можно радостнее. Хотя почему «как можно»? Я действительно была ужасно рада увидеть Николая.

Без закрывающих лицо артефактов я увидела не только знакомые густо-карие, почти черные глаза в обрамлении длинных ресниц, но и высокие скулы, аккуратно выбритые. Впрочем, уверена, борода и легкая небритость ему тоже будут невероятно к лицу.

— Все будет хорошо, — сказал он, ободряюще улыбнувшись.

После вздохнул, посмотрел по сторонам, будто ища ответа на какой-то важный вопрос. Не найдя, он еще раз посмотрел на меня, кажется, чуть ниже лица, на широко открытое декольте.

Вздохнул, кажется, чуть тяжелее, чем до того. Придерживаясь рукой за потолок, рывком пересел на мое сиденье, сдвинув пышную юбку.

— Теперь всё будет хорошо. — повторил он едва слышно.

Никогда не думала, что меня взволнует Николя, севший ко мне так близко.

Между нами была только ткань нашей одежды. Недостаточно плотная, чтобы мы не чувствовали идущее друг от друга тепло.

Я с ужасом поняла, что не смогу ни слова ему сказать.

Особенно — глядя в глаза. Ведь тогда его лицо окажется совсем близко и в полумраке кареты мы... С не меньшим ужасом я поняла, что была бы не против такого поворота.

Николя уткнулся в мою прическу, окончательно потерявшую товарный вид. Шумно выдохнул воздух и вдруг обнял, мягко прижимая к себе.

Сильными руками молодого человека, не упускающего возможность заняться физической подготовкой. Хотя уж в его-то магически одаренной и финансово обеспеченной семье мог лежать на софе день деньской.

— Что ты сказал кучеру? — я решила, что в столь двусмысленной ситуации имеет смысл немного перевести тему. — По контракту до Лоусона он работает на меня. И в контракте возможность уплотнения пассажиров не предусмотрена.

Николя усмехнулся.

— Джин, я же сказал — все будет хорошо. — он ненароком погладил меня по растрепанным волосам. Не иначе как поправляет прическу, там, наверное, уже метла дворницкая... — Я подрабатываю в Лоусоне помощником следователя, вот и воспользовался служебным положением. Имею право пользоваться любым транспортом. Даже... с пассажирами!

Я уперлась руками в шитый золотом сюртук у него на груди, устраиваясь поудобнее.

Он только тихо охнул. Но промолчал.

— Ники, доедешь со мной до гостиницы? — как и думала, подняв голову встретилась с Николя взглядом.

Так близко, что его лицо расплылось в пространстве. Я видела только его темные, почти черные, с редкими золотыми искринками, глаза.

Он снова вдруг напрягся, как в первые секунды встречи. И... прижал ближе, крепко обнимая.

Невольно пришлось отпустить голову ему на грудь. Семейный медальон Гаро приятно охладил пылающую щеку.

— Никаких гостиниц, — хрипло проговорил Николя, — твоя бабушка прислала летуна пару часов назад. Родителей не было дома, так что я принял послание. Она просила мою матушку присмотреть за тобой. Поскольку ее на месте не оказалось, я взял на себя эту обязанность. Даже не думай о других вариантах, Джини. Ты будешь жить у нас, и я лично побеспокоюсь о твоей безопасности.

О, бабуля все же решила подстраховаться. Но знала бы она, чем закончится ее благое начинание! Очень сомневаюсь, что она планировала часть моей поездки на груди широкоплечего и, что скрывать, крайне привлекательного юноши из влиятельнейшей семьи в городе...

Мы так и сидели, обнявшись, до самого Лоусона. За всю дорогу не проронив ни слова. У самого города Ники задернул шторку нанятой кареты, игриво расшитую мелкими полевыми цветочками.

В самом начале пути я представляла, как прилипну к окну тонкого визийского стекла и буду смотреть на город своего детства.

Увижу, как изменились улицы, площади. Как выросли новые дома и магазины.

Но сейчас сидела в карете, доверчиво прижалась к широкой груди Ники. Ноздри щекотал приятный пряный аромат.

Впервые за долгие годы я почувствовала себя такой... маленькой, слабой, защищенной.

«Все будет хорошо» — сказал он и я как-то сразу поверила.

Растеклась в этом ощущении безопасности, поглаживая иногда его спину. В ответ на поглаживание, даже легкое прикосновение мальчиком, спина у Ники мгновенно напрягалась до жестко-каменного состояния, секунда — и вот он уже снова расслаблен.

Мы были заняты этим тихим изучением друг друга, привыкая к запахам и прикосновениям, наслаждаясь этим безмятежным состоянием.

Карета ехала плавно, по пути в городе почти не предвиделось поворотов. Только у гостиницы, куда я направлялась изначально, кучер притормозил, спрыгнул со своего сиденья и уже побежал к каретной двери, как вдруг вспомнил об изменении маршрута. Хлопнул себя незадачливо по голове и вернулся на рабочее место. После чего вывернул со двора на улицу — в общий поток повозок.

Ники, не отпуская меня, приоткрыл ткань занавеси на дверце и тут же ее опустил. Я смотрела в противоположную сторону и заметила только, что в карете вдруг резко посветлело. После — снова полумрак.

Но тут карету качнуло — кучер разворачивался. Занавеси на противоположной дверце приоткрыли мне кусок улицы и крыльцо самой дорогой в городе гостиницы.

На крыльце, сверкая серебром вышивки и темным порочным золотом волос, слушал рассказ активно жестикулирующего привратника мой любимый враг — мистер Джерими Тайгер собственной персоной.

Он никак не мог увидеть меня ни сквозь застекленную дверцу кареты, ни сквозь шторку. Да если и увидел — то что? Какая-то юная девица в объятиях красивого мага. Последний раз он видел меня десятилетней девчонкой!

Но всё равно стало как-то не по себе. Я дернулась назад, пряча лицо на груди у Николя. Он успокаивающе погладил меня по спине, задерживаясь на долю секунды мягкими пальцами на полоске голой кожи на шее.

Я вздрогнула от неожиданности, он — тоже.

— Джин, — он прервал молчание. — У нас в доме гостит Катарина, жена моего кузена Ларри.

Я обрадовалась. Ларри — самый веселый из кузенов Ники, мне в детстве нравился больше всех.

— Она тебе понравится. — продолжил он. — Уверен, вы подружитесь. Я часто на службе, она поможет тебе освоиться.

Я, конечно же, была согласна. Ларри был старше меня максимум лет на пять, а значит, где жена — молодая девушка.

Это не строгая дама из местных бабушкиных кузин, и даже не либерально настроенная хохотушка — мама Ники. Меня оставляют с подружкой, а не надсмотрщиком! Ники, какой же ты милый! И я в очередной раз прижалась к его плечу, а он в очередной раз тяжело вздохнул.

Карета в последний раз качнулась — мы приехали. С некоторым сожалением пришлось покинуть это внезапно ставшее таким уютным место.

На крыльце семейного особняка нас уже ожидали.

— Катарина Гаро, — манерно представилась юная девушка. Насладились моим немного испуганным видом, звонко рассмеялась и добавила, — Ката, для своих я просто Ката!

«Ну точно подружимся» — решила я, уже увлекаемая на второй этаж щебечущей Катой.

Ката, оказалось, приехала вместе с Ларри неделю назад. В отсутствие родителей Николая она оставалась хозяйкой в их доме — следила за приготовлениями к празднику, принимала посылки от поставщиков продуктов и, в целом, неплохо справлялась с домашними делами.

Сам Ларри сегодня отбыл по делам на пару дней, но к Зимнему обещал вернуться.

Глядя на то, как ловко Ката управляется с хозяйством, я в полной мере поверила — миссис Гаро оставила дом в надежных руках. Крепкая деловая хватка и хозяйственность были видны невооруженным взглядом. Да, собственно, Ката и не скрывала, что лучше многих разбирается в видах праздничных солений и ценами на красное визийское вино ее не надуешь. Уж она-то знает, сколько что стоит!

«Как же это миссис Гаро уехала накануне праздника, столько же дел?!» — думала я еще час назад в карете.

Конечно, я и раньше слышала, что свекрови устраивают испытания юным девушкам, но своими глазами видела впервые.

Уже показав мне комнату и сидя на краешке моей широкой гостевой кровати Ката с криком выгнала булочника, принесшего на пробу булки с изюмом не того сорта — «Да вы в своем уме, это это за мышиные экскременты? Перепекайте сейчас же с нормальным изюмом и приходите!».

Интересно, а есть ли смысл в этой проверке? В какой-то момент мне показалось, что миссис Гаро просто где-то отдыхает со спокойной душой, в то время как все организационные проблемы в хрупких руках юной невестки.

Определенно, Ката сдаст любой экзамен по домоводству... Мимоходом решая еще с полсотни разного рода задач, вроде заселения внезапно упавшей ей на голову меня. И все это в малознакомом ей доме, с прислугой, которая только недавно впервые её увидела. Да, определенно, Ката Гаро — женщина, с которой стоит дружить и брать с нее пример!

Мне с ней действительно очень повезло. Не прошло и получаса с моего более чем внезапного появления, как мне подготовили просторную гостевую комнату. Ката лично помогла мне разобрать вещи и повесить одежду в массивный платяной шкаф.

Мои платья, кстати, она одобрила почти все. Обещав перешить «самую малость», чтобы подчеркнуть то, что, по ее словам, стыдно скрывать. Ну и заменить несколько деталей, которые успели выйти из моды, пока добрались до нашего поместья...

— Джена, милая, — несмотря на небольшую, в общем-то разницу в возрасте, выросшая в столице Ката как-то сразу взяла тон старшей сестры. — У тебя крайне удачные платья. Хорошие ткани и цвет к лицу. Я восхищена твоим вкусом! Вот это, нежно голубое, вообще глаз не оторвать! Сейчас же пошлем к моей портнихе и к ужину у тебя будет великолепный гардероб по последней столичной моде!

Она довольно и немного хищно усмехнулась каким-то своим мыслям и тут же рассказала о том, что ее так повеселило.

— Местные кумушки будут изучать мои наряды и гадать, где и как такую красоту прятали в столице столько лет! Да так, что никто тебя не видел и о тебе ничего не слышал! Редко когда удастся быстро привести провинциальную девочку в порядок, но ты — уникам. Будто и не уезжала! Милая, это будет триумф!

А вот подарки моей мамы Ката не одобрила. Мамуля всегда дарила массивные золотые украшения: цепи, кольца и браслеты. Сейчас же в моде были изящные паутинки из цепочек, тонких, как нити.

— Ничего, возьмешь что-то из моего. Я все равно на первом балу должна быть в фамильных украшениях. — пришла мне на помощь Ката перед самым ужином.

Увы, как бы ни старалась столичная портниха, поправить мои платья она не успела. Так что к ужину я спустилась в своем лучшем домашнем платье — сером в синюю полоску, в меру открывающим грудь и полностью закрывающем руки.

Ката улетела на кухню, решать срочнейший вопрос по засолке (или отмене засолки) мяса по фирменному рецепту матушки Гаро. Так что я спускалась в парадный холл в гордом одиночестве.

Николя ждал внизу. Он стоял в том самом зале, который мы однажды так беспечно разгромили. Рядом с ним я не сразу заметила человека, обильно увешанного артефактами. Да, их было много, очень много! При этом я не обратила на него внимания... Должно быть что-то из них отводит взгляд.

— Мистер Дудль, глава сыска Лоусона и мой наставник, — представил Ники своего собеседника, когда я подошла ближе.

Серьезный вид мужчины вблизи с лихвой компенсировался веселыми, с заводной хитринкой, глазами.

Я присела в уместном полукниксене и подала руку для поцелуя. Что уже было не настолько уместно для девушке, официально мужчине для непредставленной.

— Джиневра Леонгард Бизо. — собственно, представилась я.

Лицо мистера Дудля, кажется, немного переменилось. Однако он быстро взял себя в руки.

— Сердечно рад личному знакомству. Давно прибыли? — поинтересовался он.

Значит что-то слышал обо мне. Хотя о чем это я? Конечно же он знал отца и слышал о его научных работах!

— Благодарю, — с легкой улыбкой почти пропела я, — приехала сегодня, хочу посетить бал у мистера Тайгера.

Дудль приподнял правую бровь и посмотрел вопросительно на Ники. Последний будто бы немного смутился.

— Планируете участвовать в семейном деле, юная мисс? — а этот мистер Дудль весьма проницателен.

Впрочем, чего ожидать от главного следователя Лоусона?

— Рассматриваю варианты. — я дипломатично ушла от прямого ответа.

Ники подошел чуть ближе, вставая лицом к Дудлю и боком — ко мне. Так, что я оказалась вроде бы и вместе с ними, но немножечко у Николя за спиной.

— Думаю, у Джиневры все получится. Тем более, что она не тратила время на чепуху вроде бесконечных танцев и сплетен. — он подмигнул мне незаметно, — знаете, мистер Дудль, она делает потрясающих летунов, гораздо ловчее, чем я! А какой грузоподъемности!

Тут уже я смутилась!

Каждый год я отправляла Ники летуна с небольшим подарком к Зимнему. Поначалу это были небольшие рисунки, позже — более объемные и тяжелые подарки, так что мне пришлось научиться не только усилить летуна, но и облегчить его ношу с помощью магии и артефактов.

О чем, конечно, никто не знал. Да и Ники не должен был знать, ведь я никогда не подписывала свои послания! Ох, кажется даже щеки покраснели, горят!

— Да что вы говорите! — мистер Дудль приободрился. — Неужели мисс решила пойти по стопам отца?

Да уж... Николя выбрал не лучшее время, чтобы щегольнуть своими догадками по поводу анонимных подарков. Но, каков! Мог бы и промолчать! Не при Дудле же!

Что-то пробормотала, но мистер Дудль этого вроде бы даже и не заметил.

— Когда же вы планировали отправиться с визитом к мистеру Тайгеру? — спросил он.

Признаться честно — в ближайшее время. Но все так стремительно закрутилось, что я уже и думать забыла о Джереми, двуликие его заберы, Тайгере.

— Джинерва, — мистер Дудль смотрел на меня изучающе, будто увидел впервые. — Завтра я по делу должен буду зайти к нашему общему знакомому. Желаете составить мне компанию? Уверен, такой юной и привлекательной мисс мое общество не окажется слишком уж обременительным?

Обременительным?

Перед глазами встали строки бисерного почерка с завитушками, в которых матушка давала мне один за одним бесценные советы...

О боги, я и думать не могла, что мистер Дудль поможет мне двигаться по намеченному матушкой плану.

И предложение главного следователя в него очень даже вписывается...

Глава 4. Золотой ключик может открыть любую дверь

A golden key can open any door (англ. поговорка)

Найди способ попасть в отцовский кабинет.

В кабинете есть потайная дверь, она закрыта замком на крови.

В хранилище лежат порталные рамки.

Возьми столько, сколько нужно.

Из письма матушки Бизо

Мистер Дудль заехал за мной после обеда.

— Мисс, вы неподражаемы, — поцеловал кончики моих пальцев, стянутые шелковой перчаткой.

Мне сразу понравился этот серьезный мужчина. Было в его лучистых глазах что-то располагающее. А уж многочисленные артефакты и загадочные приспособления, висящие не только на его шее, но и в ушах, на жилете и даже свисающие с полей щегольского цилиндра...

Этому человеку я улыбалась искренне.

Николя проводил меня крыльца и еще раз уточнил у Дудля, не нужна ли помощь.

После чего сел в мобиль и отправился в офис, работать с какими-то бумагами.

Так что в карете я осталась один на один с загадочным и, насколько я поняла, крайне влиятельным мужчиной. Мистер Дудль, явно наслаждаясь произведенным эффектом галантного кавалера, показывал мне достопримечательности Лоусона. Конечно, кое-что я помнила, но многие успели появиться в мое отсутствие и были мне в новинку.

Многие старые здания оказались снесены, какие-то — перестроены. Магазины моего детства — какие-то закрылись, какие-то переехали. Я почти не узнавала город. Вот и сейчас приходилось делать большой крюк. Посреди дороги потеряла колесо большая повозка, груженная камнями. Образовалась пробка из экипажей и недовольно гудящих мобилистов.

— Еще одна стройка. — отметил Дудль. — Влиятельные дамы города затеяли благотворительный проект.

Я приподняла вопросительно бровь, надеясь получить более подробную информацию.

— Строят лечебницу для... — он запнулся. — О, простите, мисс, я совсем забываю о вашей матери.

Внутри все мгновенно сжалось. Неужели этот человек меня жалеет? И как это связано с моей мамой?

— Что вы, мистер Дудль, говорите открыто, я выросла в деревне и не такая уж обидчивая, как вы можете подумать.

Я постаралась собраться. Улыбнулась доброжелательно, но не слишком вызывающе. В самый раз, чтобы этот серьезный мистер понял — я спокойна и его словами нисколько не задета.

— Видите ли, мисс. Это будет лечебница для женщин, пострадавших от оборотней. — Он выглянул в окно и показал на полупустую стройку. — Будет, когда закончат. Но пока, знаете ли, не многие готовы жертвовать деньги на это благое дело.

«Строят лечебницу для блошек...» — вот что он хотел сказать. Но удержался в рамках приличий. Ну конечно, кто же будет открыто жертвовать деньги на лечебницу для женщин, ставших зависимыми от оборотней?

Страстные любовники, неутомимые в постели. Оборотни источают феромоны, вызывающие привыкание. Женщина, попробовавшая такой любви раз, становится неуправляема. Сходит с ума, мечтая лишь об одном — провести с обожаемым полуживотным получеловеком ночь, день и любое другое удобное ему время.

Увы, оборотни ветрены. Часто меняют партнеров. Тем более — людей! Брошенные женщины с такой зависимостью... Жалкое зрелище! Готовы лечь под любого! И ложатся... А что оборотни? Это их природа и закон обычно на их стороне...

Семьи пострадавших и те стараются делать вид, что ничего не произошло. В первую очередь, чтобы не вступать в конфликт с сильными и влиятельными кланами двуликих.

А женщины? Такие, как моя мать, которая после смерти отца сперва горевала, а после, под давлением мистера Тайгера, пристрастилась к нему, стала его вещью, его рабыней.

Все об этом знали, но никто за нее не заступился. Родные моего отца никогда ее не любили. Ее «родственники» — Козо, сделали вид, что и знать не знают «эту блошку».

Много лет позже она писала мне, что только мои письма и мысли о том, что где-то живет ее дочь, связывали ее с реальностью и дали возможность преодолеть эту зависимость.

Впрочем, о последнем никто, кроме меня не знает. Она до последнего скрывала ото всех, включая Тайгера. Потому что, как говорится, кто владеет информацией, тот владеет миром.

А сколько женщин становятся жертвами оборотней и не находят в себе сил для сопротивления? Почти все!

Я поежилась от этой мысли. Еще раз взглянула на куски фундамента, местами уже поросшего травой.

Да, такими темпами все развалится до того, как будет возведен первый этаж!

— Позвольте посмотреть поближе. — От избытка чувств я прижала руки к груди, едва прикрытой легким шелковым шарфом. Он вроде бы должен был скрывать то, что открывало декольте, а по факту оказался почти прозрачным и, кажется, ничего и не прикрывал.

На мостовой была ужасная грязь — соседство со стройкой сказывалось. Мистер Дудль, подумав мгновение, подхватил меня на руки, чтобы перенести на деревянный настил для пешеходов.

Пришлось обхватить его за шею и я сразу почувствовала, что и под одеждой, на шее и груди, под камзолом, на нем также надеты твердые пластины артефактов.

Да он, наверное, непробиваемый!

— Ох, что вы, не стоило.

Мне и правда стало неловко. Взрослый мужчина нес меня на руках на глазах всей улицы добрую дюжину метров!

— Красивую девушку приятно держать на руках, — Дудль задорно улыбнулся. — Мы уже задерживаемся, но не могу вам отказать в паре минут. Осматривайте стройку и поедем!

На улице, помимо немногочисленных строителей и мальчишки, занятого продажей газеты «Лоусон Трибьюн», я заметила даму в скромном черном платье, спешащую к нам со стороны стройки.

Времени было действительно мало, так что я успела познакомиться с ней и пройти до конца деревянного настила. Дальше в длинном платье тоже можно было передвигаться, но, боюсь, оно восстановлению подлежать не будет.

Дама в черном представилась Джессикой Сардж и оказалась управляющей стройки и заведующей клиникой. Собственно, клиники пока не было. И судя по всему, еще не скоро будет по причине ужасного финансирования. То есть, практически полного его отсутствия.

Меня она приняла за возможную благотворительницу и наперебой рассказывала на что и куда пойдут, в случае моего пожертвования, средства.

К сожалению, пришлось прервать ее на полуслове — пора было ехать. Но я обещала вернуться и, по возможности, помочь ей в этом благотворительном проекте.

С тяжелым сердцем я даже не обратила внимания на то, с какой легкостью главный следователь вернул меня в карету и как мимолетно прижался, как мне показалось, своей рукой к моей.

Погруженная в мысли, я не заметила, как мы добрались.

Ещё когда отец был с нами, мы с мамой часто приезжали к зданию артефактория — навестить его на работе, пообедать и просто отвлечь от важных дел.

На первом этаже и в подвале располагались лаборатории и хранилища артефактов, на втором были кабинеты отца и мистера Тайгера, бальная зала, залы для встреч и переговоров, фуршетная и моя любимая комната с четырьмя каминами по углам.

Наш дом, в котором сейчас никто не живет, зарос и на ночной улице смотрелся чёрным пятном.

Но здание артефактории, единолично занятое мистером Тайгером, щеголяло свежей отделкой янтарно-желтого цвета.

Редкой и ужасно дорогой, потому что для ее изготовления использовался настоящий дикий янтарь и раковины маори из тропических морей.

Краски с похожим составом я использовала для занятий живописью. Однажды дорогая бабушка подарила мне их на Зимнее Солнцестояние. Помню как радовалась! Ведь эти краски редки и стоят прилично. Я свой набор очень берегла. Шутка ли, пара золотых за тюбик?! А тут такой краской покрашен фасад двухэтажного особняка. Что за варварское расточительство!

Уж оклеивал бы золотыми пластинами! Выйдет ненамного дороже. Но тогда всякому оборванцу будет очевидно богатство владельца, а не только художнику-профессионалу. Ну или полупрофессионалу, если меня можно считать таковым.

Радует только, что дела артефактории мистер Тайгер ведёт хорошо. Иначе как бы он позволил себе такой королевский декор. А значит и мне, как совладелице, стоит смиренно радоваться его успеху и надеяться, что и с моим участием в общем бизнесе мы будем процветать не меньше.

Богатый и пока единоличный владелец артефактории встретил нас на крыльце.

Он подождал, пока мистер Дудль откроет дверцу кареты и немного переменялся в лице, когда последний не пошел сразу в его сторону, я протянул мне руку, помогая спуститься.

— Мистер Дудль, какая встреча! — произнес Тайгер приятным хриплым баритоном. Его голос чуть заметно вибрировал, будто большой кот мурлыкает, лежа на солнышке. — Не ожидал, что вы приедете с такой милой крошкой. Неужели у вас появился вкус и вы начали выбирать сотрудников не по мозгам, а по си.. — он запнулся, окинув взглядом мою хрупкую фигурку с и правда выдающимися си..., но смягчил слова. Видимо, не лишен воспитания, — силуэту.

Дудль незаметно подмигнул мне и коварно улыбнулся.

— Джерими, ну что вы, есть в мире стабильность и постоянство. И мой принцип отбора в сыск — пример такой стабильности. Так что сотрудник она не мой, а скорее — ваш!

Мистер Дудль, явно довольный, отступил в сторону.

По этикету полагалось представить меня незнакомому мужчине.

Мне — сделать книксен, ему — поцеловать мою руку.

Но он не был мужчиной. Обратни — ужасно бестактны и презирают наши правила приличия.

А я — уже ему представлена, много-много лет назад, хоть он меня и не узнал, я не готова кланяться этому золотоволосому демону.

— Дудль, не ожидал от вас. — Тайгер медленно провел языком по верхней губе. — Какая милая конфетка, — глухо промурлыкал он, — иди же ко мне, мне не терпится развернуть фантики и попробовать тебя...

Он протянул руку, обтянутую богатой тканью с изящной золотой вышивкой. Я уняла дрожь, пробежавшую по телу, собрала себя по частям и сделала небольшой шаг вперед. Спина прямая, улыбка в меру открытая, но не пошло-фривольная — все как на уроках по этикету. По этому же этикету Дудль должен представить меня. Мы приехали вместе и я, как женщина, под его покровительством.

— Джиневра, — назвала я свое имя, нагло нарушая этикет. По лицу Джерими растеклась совсем неэтикетная сладкая улыбочка. Он все еще не узнавал в юной девушке, которой я стала, маленькую девочку, которая когда-то чудом ускользнула из его лап. — Джиневра Бизо.

Два удара сердца Мистер Тайгер смотрел на меня непонимающе. Только на третьем лице его переменилось. Кардинально.

Порочная улыбка растаяла на губах, желтые глаза округлились, густые светлые ресницы дрогнули. На его хищном лице проступило осознание.

Осознающий ситуацию Джерими Тайгер больше всего был похож на домашнего кота, который почти влез в бочонок со сметанкой и тут же получил полотенцем по носу от проходящей мимо хозяйки.

Вроде бы не больно, но эмоциональный ущерб нанесен. Очевидно, что сметаны ему сейчас не достанется. А очень, очень хочется. Вот она — сметанка, прямо здесь, и как вкусно пахнет — бери да ешь. Но нет, нельзя! Быть может позже, когда хозяйка уйдет или отвернется?..

— Мистер Дудль хотел сказать, — я постаралась улыбнуться нежно, — что работать я буду в артефактории, а не в следствии. Но я планировала работать не на вас, а с вами. По праву наследницы и совладельцы.

Лицо мистера Тайгера удивленно вытянулось, он бросил на Дудля взгляд, в котором без всяких слов читался вопрос «Эта кукла что, умеет говорить?».

Может и не стоило показывать ему свое умение складывать звуки в слова, а слова в предложения... Но как же приятно смотреть на его искренне (такое вряд ли можно изобразить нарочно) удивленное лицо!

— Леди Джиневра прибыла вчера, — начал Дудль, постепенно продвигаясь ко входу и увлекая меня за собой, — и высказала желание посетить семейную артефакторию. Мне как раз было по пути, так что я с радостью составил ей компанию!

Мистер Джереми как-то нервно дернулся, когда Дудль сказал про мой вчерашний приезд. Его глаза будто разом потемнели, а нос чуть сморщился.

О, тигр Тайгер злится! Видимо знал, что я приеду, ждал у гостиницы и не дождался! Ники его опередил! Встретил меня на подъездах к городу и спутал все его планы.

Наверняка Джерими сейчас гадает, где же я провела ночь. Кто знает, что было бы, встретить он меня первым? Где бы я проснулась? В каком состоянии? Не понадобилась бы мне помощь Джессики Сардж и ее пока не существующего госпиталя для блошек. Бррр!

— Я хотела бы, — Мистер Дудль и Джереми Тайгер посмотрели на меня: один — внимательно, другой — все с тем же выражением удивления при виде женщины, которая чего-то хочет, желает и говорит об этом. — Хотела бы посетить свой кабинет.

Дудль нервно кашлянул. Лицо Тайгера вытянулось до невозможности. Он покраснел и тихо порывивая ответил:

— Насколько я помню, леди. — его глаза потемнели до золотисто-янтарных. — Вы еще не уступили в право наследования. А значит, у вас здесь нет своего кабинета.

— Но будет. — я улыбнулась, сглаживая нажим, с которым произнесла фразу. — И совсем скоро. Знаете, мистер Тайгер, я хотела бы обустроиться в кабинете своего отца.

Джереми с силой сжал кулаки, но поднял на меня взгляд и вдруг расслабил руки. Он сделал шаг вперед. Я опустила глаза, боясь возможности смотреть в его бесстыжие глаза. И как результат — почти уткнулась в его плечо. Меня тут же окружили запахи прелой листвы, вчерашнего дыма и мокрой шерсти.

— Хм. — Мистер Дудль напомнил о том, что мы не одни. — Мистер Тайгер, напомню, я к вам по одному важному делу. И мое время ограничено. Впрочем, ваше, я думаю, вообще на вес золота.

Джереми Тайгер, не замечая следователя, зачарованно поднес мою руку к лицу. Его пальцы, сухие и горячие, обожги запястье. От его лица я также почувствовала тепло, вдруг

передававшееся и мне. Я почувствовала, как это тепло обволакивает меня, манит и просит подойти ближе, прикоснуться к этому золотоволосому богу, погладить его по щеке.

Он шумно вдохнул и еще более шумно выдохнул, раздувая изящные крылья носа. Тонкое кружево рукава пошло волнами и защекотало нежную чувствительную полоску кожи на руке между браслетами и тканью платья.

— Да, пойдёмте. — вынырнул он из небытия и отпустил мое запястье. — Кабинет в твоём распоряжении, малышка. Надеюсь, помнишь где он. Там немного не прибрано, но разве тебя это остановит?

Голос Джереми стал еще более глухим и хриплым. Наваждение спало.

Меня будто окатило водой.

Впервые в жизни я почувствовала, насколько сильно могут действовать на человека феромоны двуликого...

Да что он себе позволяет, я же даже несовершеннолетняя! Впрочем, что взять с оборотня...

Когда они скрылись за углом, я была, кажется, почти счастлива.

Приходя в себя, очень обрадовалась, что Дудль увел его.

Теперь я смогу спокойно дойти до кабинета отца и осмотреться. Ну что за чудесный человек, этот следователь! Страшно представить, что было бы без него. Уверена, мистер полосатая шкура не стал бы отпускать мою руку, а может быть даже уже и не руку вовсе...

Я быстро привела себя в порядок. Парадное зеркало во всю стену было тем же, разве что в моем детстве богатая резная рама была цвета морёного дуба. Тайгер и его переиначил на свой вкус — покрыл завитки искусной резьбы жирным слоем позолоты.

Даже в опошленной раме, миг превратившейся из лаконично-изысканной в вычурно-помпезную, зеркало оставалось тем же, его суть не изменилась.

Изменилась маленькая девочка, которая когда-то нерешительно стояла перед ним в день перед отъездом из города.

Было страшно и одиноко, непонятно и пусто внутри. Я не понимала тогда, что мне делать и почему я должна уехать от мамы к малознакомой дальней родственнице. И где папа?

Нет, той девочки больше нет. Есть я, Джиневра Леонгард Бизо, дочь гениального изобретателя и почти совершеннолетняя единственная наследница артефактории.

В зеркале отразилась немного бледная девушка, с большими голубыми глазами и золотистыми волосами, уложенными в простую, но элегантную причёску. Нежно-персиковое платье до пола снизу, сверху — прикрывает грудь, не скрывая ее наличие. В ушах — капельки жемчуга, на груди приколоты камешки из кости морского змея, на руках из-под рукавов виднеются браслеты с маленькими жемчужными бусинами. Скромно и со вкусом, как и должна выглядеть юная леди из приличной семьи.

Дудль и Тайгер оставили меня в холле совсем одну, но мне и правда не требовался провожатый. Я в последний раз оглядела свое отражение, кровожадно улыбнулась и, подобрав пышную юбку, решительно застучала каблучками по лестнице.

Я прекрасно помнила, что кабинет отца на втором этаже, напротив бальной залы. С тяжелой дверью, закрытой на сложный артефактный замок. Отец разработал принцип этого замка с привязкой на крови для какого-то особо секретного военного подразделения. После, уже для собственных нужд и, подозреваю, попросту от скуки, дополнил, расширил и усложнил изобретение.

Разные версии таких замков он использовал везде: от небольших шкатулочек, до дверей хранилища с особо ценными экземплярами экспериментальных артефактов.

Дверь в кабинете отца была настроена на него и маму. Я, как его ближайшая родственница, могла его открыть. Мистер Тайгер — нет.

Я невольно хихикнула, представив, как я хлопаю дверью отцовского кабинета перед его холеной физиономией. Может даже усы ему получится прищемить. Но что-то я размечталась.

Возможно Джереми Тайгер даже пробовал открыть замок. Хотя вряд ли. Мистер Тайгер кто угодно, но не глупец. Как работает этот замок он знает не хуже меня. О нет, он попросту вырвал дверь вместе с косяком.

Последствия не самого профессионального демонтажа были налицо — развороченная стена, показавшая все свое нутро.

Собственно, и дверь, и косяк радовали (а точнее — НЕ радовали) глаз, прислоненные к стене. Надо отдать должное качеству отцовской работы — замок, целый и невредимый, все еще был в двери, а дверь — в дверном косяке. Сам дверной косяк оцетинился метровыми штырями, когда-то уходившими в стены и держащими конструкцию.

Осыпавшуюся штукатурку кто-то уже подмел и прибрал. На двери был небольшой слой пыли. Еще незаметный, но она явно стояла тут больше недели.

Надо бы распорядиться о ремонте, какая-никакая дверь мне все же пригодится. Да и несолидно совладелице богатой артефактории встречать посетителей дырой в стене. Я же леди, а не какой-то дракон в пропахшей скелетами пещере.

Долгие годы я ждала этого момента — вот я открою дверь и войду к отцу. Но нет ни отца, ни двери. Есть я и моя решимость.

Придерживая юбку, я осторожно вошла внутрь.

Да уж, у нас с мистером Тайгером разные представления о том, что значит «немного не прибрано»!

Глава 5. Деньги на деревьях не растут

Money does not grow on trees (амер. поговорка)

*Надеюсь, ты не бросила копировать портрет бабушки Луизетты?
Помнится у тебя в комнате в последний мой приезд стояли уже четыре
приличные копии.*

<i>Из письма матушки Бизо</i>

В кабинете отца было не просто пыльно и не прибрано.

К этому я была готова... Но!

Здесь же будто взорвался газовый шар!

Квадрат окна перегораживала массивная гардина, повисшая на одном креплении. Будто огромный кот пытался влезть наверх по одной из тяжелых бархатных штор с кистями. Тех, кто сейчас лежат на полу, украшенные следами мужских каблуков. А может, я права... и кот действительно был?

Подошла ближе. И правда — на красном бархате длинный жесткий волос. Желто-оранжевый, явно звериный. Ну кто бы сомневался! Мистер Рыжий Хвост тут все пометил своим звериным духом и шерсть раскидал по углам. Наверняка и я скоро провоняю его тигриной шкурой. Буду пахнуть для всех оборотней как его игрушка, бррр!

Меня снова передернуло. Будто холодным ветерком просквозило. Хотя окна были целы (что удивительно на фоне полного разгрома!) и намертво закрыты.

Стол отца, перекошенный, представлял совершенно жалкое зрелище. Он стоял на том же месте, где и в пору моего детства. Точнее, стоял не стол, а две его половины. Он был будто разрублен огромным топором (а может, и правда зачем-то разрубили?) и смотрел на меня пустыми глазницами вывороченных ящичков.

Диван в углу, обитый когда-то все тем же красным бархатом, который пошел на шторы, стоял, покрытый лохмотьями того самого бархата.

Там же, сморщившись неприглядной грязной тряпочкой, лежал старинный ковер ручной работы, когда-то заказанный отцом из Визии.

От его былой красоты осталось только воспоминание и след в центре комнаты. Паркетные доски в месте, где он лежал, были темнее соседних. Судя по тому, как сильно они заскрипели у меня под ногами, совсем недавно их снимали и положили на месте не очень аккуратно. По большому счету — просто бросили. Эх, придется полностью перекладывать паркет...

Нужно будет вызвать плотника, — отрешенно подумала я, поднимая и садясь на единственный целый стул, — и мебельщика.

Определенно, стул уцелел только потому, что у него не было ни богатой отделки тканью, ни каких-то сложных элементов. Простой деревянный стул. Такие часто ставят куда-нибудь в чулан, где вроде бы и высокие полки, но не настолько высокие, чтобы оставлять там лестницу или стремянку на постоянное место жительства.

Те, кто искал что-то в кабинете моего отца, похоже, не знали, **что** именно ищут.

А если и знали, то не представляли себе, как это "что-то" выглядит. Мой отец не зря считался гениальным артефактором. В какую форму он вложил артефакт? Да кто его знает!

Они обыскали всё. Вынесли все бумаги — на полу я не нашла ни намека, ни клочка, ни обрывочка. Мне остались пустые полки и ящички.

Матушка определенно была в этом кабинете, ведь у нее был сюда доступ.

Весь город уже знает, что она пропала, но никто не знает, как именно. Люди строят предположения, а оборотни? Не думаю, что оборотней беспокоит судьба какой-то "блошки"... Так они о ней думают...

Но их определенно интересует то, *как* она пропала и *куда*. Иначе зачем переворачивать вверх дном кабинет? Только затем, что именно здесь обрывается её след. Да, мистер Тайгер?

Я проверила, нет ли кого-то в коридоре, и подошла к еще одному нетронутому вандалами предмету.

Моя любимая картина — тот самый портрет бабушки Лу.

Луизетта Бизо смотрела на разгромленный кабинет и загадочно улыбалась, едва ли приподнимая уголки губ. Улыбалась так, как умела только она — одними лишь глазами.

Да, видно, что картину со стены снимали, двигали в стороны. Сейчас она висела немного криво, открывая границу темного и более светлого, выгоревшего на солнце, дерева.

Я была очарована этим портретом с детства. Что говорить — первый мой рисунок, как и все последующие — это был портрет бабушки Лу.

Видимо, у тех, кто делал обыск и громил кабинет, все же есть чувства и нежная улыбка моей прародительницы задела и их.

Кроме того, картина, написанная неизвестным художником, представляла определенную ценность и была известна как уникальный образец мастерства старой школы.

Спасла ли ее загадочная улыбка или же высокий уровень культуры людей с топорами, рубивших мебель, не знаю... Важно, что бабушка Лу меня дождалась.

Изображенная в полный рост, она, кажется, сейчас сойдет с полотна — сделает шаг из рамы, обнимет и погладит по голове.

— Все будет хорошо, — сказала я тихонько и улыбнулась женщине с лицом ангела.

Моего ангела-хранителя. Потому что я уже заприметила то, что искала. То, что она хранила для нас с мамой.

Я подошла к портрету ближе: много раз в детстве я изучала каждый след кисти, каждое движение художника, мечтая повторить его.

Когда я переехала к бабушке, матушка даже сделала для меня ужасно дорогую голографическую копию этой картины, чтобы я могла её рисовать, будучи далеко от оригинала.

Я знала все ее трещинки и переходы цвета.

Но ее рама никогда меня не интересовала. Простая деревянная, без сложной резьбы, почти бедная. Единственным ее украшением был небольшой овальный медальон внизу. На медальоне, в центре, было едва заметное углубление. А под ним, с пафосом и вензелями, как положено, выгравирована наша фамилия — Бизо.

Посторонний мог бы подумать — это фамильный знак, которым многие семьи отмечают ценные предметы в семейной коллекции. Или же что это — фамилия изображенной на нем дамы.

И тот и другой варианты были верны.

Как же часто люди не видят то, что лежит прямо у них перед носом? Даже если этот нос чувствителен ко всем видам запахов в обеих ипостасях — и в человеческой, и в звериной.

Иногда все так просто! Чтобы что-то надежно спрятать, нужно разместить это что-то на самом видном месте на высоте коленей взрослого человека.

А оборотни еще выше и крупнее, так что для них это будет вообще где-то там, в муравьином миру...

На уровне коленей взрослого или на уровне груди маленькой девочки. Взрослые так редко замечают то, что ниже уровня их глаз...

Я присела, надеясь, что никто не зайдет. Юбки моего взрослого пышного платья легли мягкими волнами на поцарапанный чьими-то длинными когтями пол.

Ощупала широкий подол. Горничная, выделенная мне Кати Гаро, с утра приколола к краю нижней юбки простую металлическую булавку.

— Чтобы вас, леди, никто не сглазил. — доверительно сообщила мне добрая женщина. — Можете не верить в это, но мы, простые люди, верим в приметы. Вы уж не выкидывайте ее, пожалуйста. В нашем мире такой красивой девочке любая помощь нужна. Если работает — хорошо, если нет, хуже же не будет, если вы ее будете носить?

Я мысленно порадовалась суеверности простого народа. Булавка действительно сейчас пригодится. Да где же она?

— Ой! — искомое обнаружилось само собой посредством втыкания в палец острым концом.

На пальце выступила и начала набухать красная бусинка.

Немного не так, как я планировала, но нужный эффект достигнут.

Я улыбнулась и приложила палец к той самой, едва заметной овальной выемке. Прижала и отпустила, подушечка легла ровно в ямку. Идеально... будто эта ямка была создана для прикладывания окровавленных пальцев.

Красная бусинка, размазанная по дереву рамки, была почти незаметной. А через мгновение уже и вовсе впиталась без следа.

Дерево сухо щелкнуло, на каждой из сторон рамы открылись узкие отверстия длиной не более дюйма. Внутри они чуть почернели — верный признак, что недавно их использовали по назначению.

В детстве я как-то сказала отцу, что в отверстие для эльпорта как раз уместится одна печенюшка. Из тех, что печёт наша повариха по пятницам. Помню, отец смеялся до слез. Тогда я решила, что он мне не верит и засунула ту самую печенюшку в отверстие для установки пластины.

В этот раз я без печенек... Но это даже хорошо — не испорчу ценный артефакт!

Эльпортов у меня тоже не было, но кровь Бизо и без того активировала портал, скрытый в раме семейного портрета. Пусть и не раскрыв всех возможностей устройства.

Вот уже знакомо заискрилось пространство в сантиметре от холста. На лице бабушки Луизетты заиграли голубые блики, придав ее улыбке немного потусторонней загадочности.

— Пора! — чуть слышно шепнула я сама себе и шагнула в портал.

Первое мгновение я почти ничего не видела. Голубоватые искры портала ослепили меня и сразу же беззвучно разлетелись по сторонам точно такой же рамки, висящей на стене. Эта рама была пустой, без картины. А стена, о которую я оперлась, была сухой и теплой. Значит я не в подвале, иначе было бы сыро и холодно. Но почему тогда нет окна и света?

Кажется, последнюю фразу я произнесла вслух, робким шепотом.

И о чудо, свет зажегся.

Хотя какое уж тут чудо, просто артефакт, обеспечивающий работу освещения, был настроен не на ручное управление, а на голосовое.

Появилась возможность нормально осмотреться. Портал перенес меня в маленькую комнату, которую, будь в ее стенах двери, можно было бы принять за короткий узкий коридор. Или чулан?

Эдакий вагончик без окон и дверей. Единственной точкой входа оказался портал за моей спиной, как раз на узкой стене "вагончика".

Три из четырех стен были грубо оштукатурены. Только одна, прямо напротив "входа" была обшита тускло блеснувшими в магическом свете металлическими листами.

Собственно, в комнатке почти ничего интересного не было. Вот только вдоль стен, пачками стояли не может быть! Размер совпадал, но я должна точно убедиться, что же скрывают эти тканевые чехлы.

Уже без опаски я двинулась вперед и потянула за уголок холщового покрывала. Оно начало сползать, и я не смогла сдержать восхищенного возгласа!

Эта вытянутая каморка оказалась забита порталными рамками переходов!

Продвигаясь вперед, я освободила от защитной ткани все имеющиеся рамки. Пересчитала — двенадцать пар. Вместе с той, что висит на стене и ведет в кабинет — тринадцать. Или, иными словами, двадцать шесть одинаковых порталных рамок, которые можно попарно разместить где угодно, установив постоянный переход. Туннели сквозь пространство этого мира!

Я осмотрела их внимательнее, продвигаясь к противоположной стене. Любопытно, что будучи неактивированными, порталы ничем не отличались от рам для картин.

Какое-то время я потратила на проверку имеющихся у меня артефактов. Ого, все работали и работали прекрасно. Я вошла из одной рамки и вышла из ее пары, прислоненной к стене напротив.

Что ж, здорово. Вот только одна особенность меня немного беспокоила. Из двадцати шести рамок только та, что украшала портрет моей загадочной прапрабабули, (которую я, впрочем, никогда не видела) имела отверстия для установки эльпортов. Совпадение?

Я очень обрадовалась тому, как быстро нашла тайник отца. Хоть и с подсказками любимой матушки. Отдельную радость доставила мысль о том, что оборотень дверь так и не нашел.

Ведь тринадцать полноценных порталных дверей! Это же бесценное сокровище!

Можно открыть самую быструю в мире службу доставки военных посланий или же торговых. Можно доставлять важные посылки не с помощью паровозов и грузовых цеппелинов, а мгновенно.

Лекарства в регионы, оторванные от больших городов. Врачей, учителей, которые не всегда готовы ехать через полмира в далекие и недоступные места.

С другой стороны Точно также можно пронести оружие, бомбы, порох и военные артефакты, минуя границы, таможни, полицию, армию

Мне стало страшно от мысли, каких бед в злых руках может натворить даже одна порталная рамка!

А тут — тринадцать пар! Под самым носом у оборотней!

Проверяя и осматривая рамки, я почти вплотную приблизилась к противоположной стене, обитой металлом. Поначалу она не вызвала у меня особого интереса, но подойдя почти вплотную, я вдруг расслышала голоса. За стеной кто-то был!

Тихо, чтобы не выдать себя, подошла еще ближе и приложила ухо к прохладной поверхности металлического листа. Крупная заклепка, какие в ходу на военных заводах, впиалась в щеку. Но я не обратила на это никакого внимания.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.